

В. Я. Воробьев

Потенциал российско-китайского сотрудничества в рамках БРИКС

Воробьев Виталий Яковлевич, ст. науч. сотр.
Центра исследований Восточной Азии и ШОС ИМИ
МГИМО МИД России, Чрезвычайный и Полномочный Посол

Аннотация

Рассматриваются особенности формирования и деятельности группы БРИКС как явления нового многополярного мироустройства. Анализируются особенности российско-китайского взаимодействия на платформе БРИКС и китайская внешняя политика, квинтэссенцией которой, по мнению автора, является стремление не портить отношения с кем бы то ни было и постараться закрепить за собой статус второй мировой державы. Глобальный расклад сил все более определяется не столько противостоянием Запада и не Запада, сколько новой связкой — соперничеством Китай — США.

Ключевые слова: БРИКС, Китай, Индия, США, биполярность, соперничество, глобализация.

Группа БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южная Африка) — реальный признак плюралистичности расклада сил в региональном и глобальном измерениях, свидетельство бесперспективности силовых стремлений установить монотональность в международных делах.

Рождение новых и смещение старых политических центров — явление, присущее историческому процессу как таковому. После самораспада Советского Союза и, вследствие этого, упразднения связки-соперничества СССР и США оно обрело новую окраску и динамику. Два этих государства в качестве доминантных полюсов определяли векторы и содержание мировых процессов на протяжении почти всей второй половины XX столетия. Посчитав себя победителем в «холодной войне», Вашингтон интенсифицировал попытки подогнать мировой порядок под собственные лекала. Это стало все больше контрастировать с представлениями многих незападных стран (особенно имевших на тот момент хорошие показатели развития) по поводу сущностных элементов архитектуры мирового управления и подходов к кризисным ситуациям. На базе сходства позиций такие государства начали соединяться в тех или иных форматах и сочетаниях.

Именно подобным образом возникла группа БРИКС (поначалу без Южной Африки). Как фактор реагирования на глобальные финансово-экономические неурядицы она видела свое предназначение в согласовании точек зрения участников по вопросам демократизации деятельности существующих международных финансово-экономических институтов и в продвижении соответствующих общих взглядов в международном сообществе.

С самого начала и по сей день группа БРИКС своеобразна тем, что функционально и по конструкции напоминает скорее ассоциацию клубного типа, а не формализованную организацию. Ее участники географически сильно разбросаны, принадлежат к различным цивилизационным контурам и совершенно не схожи между собой по внутриполитическому устройству. Все это не мешает группе демонстрировать способность расширять повестку дня по сравнению с первоначальной и выходить на серьезные практические договоренности — например, о создании Банка БРИКС и страховочного свопового валютного фонда. Нельзя исключать, что в лице группы БРИКС формируется прецедент нового формата межгосударственных объединений коммуникационного типа без традиционно жестких рамок институционализации.

Группа БРИКС становится все более заметным игроком глобального порядка. Это подводит к мысли о потенциальной возможности эволюционирования группы в сложносоставный самостоятельный полюс общемирового значения. Такая перспектива, судя по всему, устраивал бы Россию и Китай.

Взаимодействие этих двух стран в рамках группы фактически превращается в самодостаточный сегмент российско-китайских отношений, которые делаются все более плотными на фоне мощных подвижек в международной политико-экономической конъюнктуре начала XXI в. Учитывая из года в год фиксируемое в двусторонних документах совпадение или близость точек зрения России и Китая по базовым аспектам и «острым» вопросам международной ситуации, гори-

зонты возможностей для российско-китайского сотрудничества в рамках группы видятся весьма широкими.

Тем более актуальным представляется обозначить ряд суждений, получивших хождение в китайской политологической среде после Уфимского саммита группы БРИКС в июле 2015 г. и, похоже, в связи с некоторыми довольно «размашистыми» комментариями, появившимися в России по поводу итогов саммита.

Пожалуй, впервые открыто стал пробрасываться тезис о «нормальности» различий в подходах и позициях между двумя странами применительно к тем или иным международным темам. При этом подчеркивается, что у каждой из них имеются свои интересы, и эти интересы вовсе не обязательно могут и должны всегда сходиться. Утверждается, что существование своих собственных оценок и внешнеполитических задач отнюдь не следует воспринимать как нечто противоречащее характеру и атмосфере «высокого уровня» взаимопонимания и доверительности, формирующих общую, по китайским меркам, «образцовую» картину российско-китайских отношений стратегического и доверительного партнерства.

При всей критичности, иногда даже запальчивости оценок политики западных государств, прежде всего США и Японии, в Китае в целом не склонны резко противопоставлять Запад и не—Запад, видеть их чуть ли не двумя нарождающимися противостоящими полюсами, а группу БРИКС изображать авангардом подобной эвентуальной антиномии. Генеральные установки политики нынешнего поколения руководства КНР на мировой арене в чем-то перекликаются с хрущевскими тезисами второй половины 1950-х гг. о мирном сосуществовании и мирном соревновании СССР и США.

Глубоко и многогранно погруженный в процессы глобализации, современный Китай, вышедший на вторые позиции в мире по размерам ВВП, по существу сам является продуктом развития глобализации. Согласно распространенным самопризнаниям, Китай стал за последние 30 лет «бенефициаром» того международного экономического порядка, который на сегодня господствует в мире. Хотя этот порядок резонно вызывает многочисленные нарекания, особенно со стороны так называемых развивающихся и «переходных» стран, Китай не считает насущной его революционную ломку. Он обращается к Западу с призывами больше принимать во внимание интересы указанных стран, отказываться от диктата и давления, ставить по главу угла в конкретных делах цель «обоюдного выигрыша», исходить из задачи построения «всемирного» сообщества общей исторической судьбы [2, с. 22–25].

Расклад сил в мире, по прикидкам китайцев, может эволюционировать в сторону новой bipolarности, но не столько по линии Запад — не Запад, сколько в плоскости образования новой связки — соперничества США и Китая. В таком формирующемся дуэте в Пекине видят залог и гарантию стабильности положения как в тихоокеанской зоне, где верховенство «двойки» считается данностью, так и в гораздо более широких земных масштабах. Показательными выглядят уверения, что КНР не имеет намерений покушаться на уникальную позицию сверхдержавы, которую США занимают и стремятся удержать в мире, ибо отдает себе отчет в разительной неадекватности собственной военно-политической мощи и политического влияния по сравнению с американскими. Иными словами, Пекин сигнализирует о стратегическом намерении выстраивать отношения с Вашингтоном на базе взаимного уважения, равенства, сотрудничества и доверия.

Это близко к тем постулатам, которые составляют философскую основу трансконтинентальной космополитической идеи создания «нового Шелкового пути», выдвинутой председателем КНР Си Цзиньпином в 2013 г. и с тех пор ставшей своего рода визитной карточкой всей современной китайской дипломатии.

В целом на американском направлении наблюдается смещение акцентов на поиск и закрепление тех моментов, которые способны связывать две страны, в том числе в военной сфере. Под соответствующим углом зрения используется 70-летие окончания Второй мировой войны: подчеркивается солидарность, существовавшая тогда между США и борющимся против японцев Китаем, в благоприятном тоне рассказывается о конкретных акциях американской помощи Китаю, будь то его коммунистическая или гоминьдановская часть. Годовщина атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки была отмечена в Китае без особых критических стрел в адрес США, поскольку-де полную историческую ответственность за развязанную в Азии войну и за использование другими государствами средств с целью скорейшего ее прекращения несет в первую очередь милитаристская Япония.

Решительно и последовательно выступая против произвольного применения санкций в международных делах, Пекин старается действовать аккуратно и сдержанно, чтобы не навлечь на себя санкционный режим, в том числе из-за тесных отношений с другими странами [2, с. 17–29]. Китайские комментаторы не скрывают, что такой подход в полной мере должен действовать при-

менительно к России. Равно как из раза в раз отвергается приписывание российско-китайским отношениям эволюции в сторону перевода их в рамки формального военно-политического союза [4]. Те же формулировки прозвучали в связи с совместными маневрами ВМФ России и Китая в Японском море в конце августа 2015 г., когда были сделаны специальные оговорки относительно того, что учения не являются вызовом американо-японскому союзу¹.

У Китая, несмотря на внешне радушные отношения с Индией, сохраняются серьезные элементы недоверия к этой стране — сопернику за влияние в АТР. Помимо многолетнего спора о границе в Гималаях, Пекин настороженно встречает многие внешнеполитические шаги Нью-Дели, прежде всего по наведению и укреплению мостов с Вашингтоном. Ревниво относятся китайцы и к наращиванию и совершенствованию Индией своего военного потенциала, включая участие в этом России. Сохранение индийским руководством дистанции насчет идеи «нового Шелкового пути», конечно, задает китайцев. Наконец, Индия становится прямым экспортным конкурентом Китая.

Согласие Китая на допуск Индии в члены ШОС можно толковать по-разному, в том числе и как намерение убрать второстепенный раздражитель из китайско-индийских отношений и при этом получить дополнительный постоянный неафишируемый рабочий канал для общения под «зонтиком» ШОС. Сказалось, видимо, и нежелание входить по данному вопросу в коллизию с российским настроем, тем более что в Москве не возникло противодействия в отношении аналогичной заявки Пакистана [3, с. 90].

Запуск Банка БРИКС, равно как стремительное — за год — создание с китайской подачи Азиатского банка инфраструктурных инвестиций, в Пекине однозначно трактуют не с точки зрения подрыва или размывания позиций уже существующих международных финансовых механизмов, а в плане добавлений к ним. На взгляд китайцев, порядки в таких механизмах следует непрерывно совершенствовать, своевременно адаптировать под меняющиеся мировые реальности. Всемирная банковская сфера должна быть более демократичной, разнообразной и без чьего-либо превалирования. «Чем больше будет международных банков, тем лучше для целей всеобщего развития» — таково кредо Пекина, в том числе насчет «долгостроя» ШОС, где много лет не могут договориться по поводу формирования собственных финансовых структур [3, с. 83–84]. Отнюдь не конфронтационная, а критически рекомендательная тональность Китая в отношении давно действующих по западным стандартам международных финансово-банковских учреждений корреспондирует с нарастающими усилиями Пекина интернационализировать юань, добиться от мирового сообщества признания его в качестве одного из ведущих платежных валютных средств.

Одним из элементов, способных повлиять на российско-китайское взаимодействие в группе БРИКС, может стать общая для всех стран группы «новая реальность» — торможение темпов роста, обозначившееся в последние два-три года. Уход России в «минус», продолжающееся, если не нарастающее, сокращение деловой активности в Китае и его внешнеторгового оборота могут уже в ближайшем будущем составить новый, ранее не предвиденный фактор в их взаимоотношениях как в двустороннем разрезе, так и в многостороннем измерении.

Руководство КНР сосредоточено на том, чтобы поскорее остановить негативный тренд. Напористое продвижение идеи «нового Шелкового пути», предусматривающей перенос массива излишков китайских производственных мощностей за рубеж, находится в этом ряду. Заявляется о дальнейшей либерализации экономической жизни, расширении поля применения рыночных регуляторов, включая вероятность отпуща в «свободное плавание» национальной валюты, паритет которой не связан напрямую с волатильностью цен на энергоносители.

Особое место отводится дальнейшему расширению открытости экономики, более масштабному включению Китая в международные интеграционные схемы. В этом ключе снижается накал риторики в отношении Транстихоокеанского экономического партнерства, формирование которого под эгидой США выходит на финишный этап. Пекин стал посылать намеки на то, что он мог бы и присоединиться к партнерству, но не считает страну готовой к «высоким критериям ТТП». Значительно активизируется работа по созданию разнообразных «зон свободной торговли» как с отдельными странами, так и с группами государств (например, АСЕАН, «тройка» — Китай, Япония, Южная Корея). Предлагается использовать идею сухопутного «нового Шелкового пути» для учреждения цепи взаимосвязанных ЗСТ с участием Китая.

Вышеприведенные дискуссионные суждения обращают на себя внимание тем, что по ним можно уловить направленность движения мыслей, зреющих в экспертном сообществе Китая, мнение которого, как правило, внимательно изучается и воспринимается лидерами страны.

¹ Военные корабли Китая отправились во Владивосток для участия в совместных китайско-российских учениях // Синьхуа. 2015. 15 августа. URL: <http://russian.people.com.cn/n/2015/0815/c31521-8936639.html>

* * *

Без российско-китайского взаимопонимания укрепление группы БРИКС невозможно. Чтобы это взаимопонимание оставалось эффективным, необходимо выстраивать его, принимая во внимание оттенки в позициях китайского партнера. В этой связи важно учитывать, что Пекин не хотел бы сам или ради кого-то по-крупному портить отношения с кем бы то ни было. Это — квинт-эссенция его политического курса. КНР будет искать максимально прагматические ходы для обеспечения собственных политических и экономических интересов, рассчитывая занять позиции второй державы в мире твердо и надолго.

Sino-Russian cooperation potential within the BRICS framework

Vitaly Vorobiev,

Leading Researcher,

Center for East Asia and SCO, Institute for International Studies
MGIMO-University, 76 Vernadsky Ave, 119454, Moscow

Summary

The article describes history of the BRICS group and its activities as a phenomenon of new multipolar world order. It studies Sino-Russian interactions in the BRICS against the background of Beijing's foreign policy. The aim of China in international affairs, in the author's opinion, is to avoid spoiling relations with any country and to secure the status of the second global superpower. The global balance of power is being increasingly determined not by West vs. Non-West opposition, but by new rivalry-conjugation: USA vs. China.

Keywords: BRICS, China, India, USA, bipolarity, rivalry, globalization.

Литература / References

1. Лукин А. В. Поворот России к Азии: миф или реальность? // Международная жизнь. 2016. № 4. С. 90–107.
2. Лукин А. В. Постбиполярный мир: мирное сосуществование или хаос? // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60. № 1. С. 95–98.
3. Лукин А. В. Шанхайская организация сотрудничества: что дальше? // Россия в глобальной политике. 2007. Т. 5. № 3. С. 78–93.
4. Fu Ying. How China Sees Russia: Beijing and Moscow Are Close, but Not Allies // Foreign Affairs, January/February 2016. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2015-12-14/how-china-sees-russia>